

И. О. Дементьев

ТЕВТОНСКИЙ ОРДЕН ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рассматривается эволюция французской историографии Тевтонского ордена. Характеризуются основные работы современных французских историков ордена.

The article examines the evolution of French historiography of the Teutonic Order. The author reviews key works of contemporary French historians of the Order.

Ключевые слова: Тевтонский орден, французская историография.

Keywords: Teutonic Order, French historiography.

В своем обзоре новейшей историографии ордена В.И. Матузова подчеркивает, что «наибольший интерес к ордену проявляется в тех странах, национальная история которых на том или ином этапе переплеталась с его историей»: это прежде всего Германия и Польша, затем Бельгия, Голландия, Италия, Австрия, Чехия, страны Балтии, Дания и Великобритания [2, с. 296]. Обращает на себя внимание отсутствие упоминания французской историографии, пользующейся заслуженным авторитетом в мире.

Еще в 1986 г. в предисловии к переизданию «Анналов Тевтонского ордена» Ф. де Штольберг-Штольберг отмечал важность публикации, дополняющей «крайне бедную литературу на французском языке по этой теме» [8, р. III]; спустя десятилетие А. Богдан указывал, что история ордена «плохо известна во Франции и зачастую представляется в карикатурном виде» [1, с. 9], а еще через десять лет Матьё Оливье констатировал, что «образ Тевтонского ордена во Франции до настоящего времени почти не интересовал историков» [6]. Сожаление о низком уровне осведомленности соотечественников в этом вопросе стало лейтмотивом творчества французских историков. Однако в последнее время появились новые работы, помогающие франкоязычному читателю лучше представить себе историю балтийских крестоносцев.

По оценкам М. Оливье, в XVI–XVII вв. орденская проблематика попадала в фокус внимания историков в связи с интересом к Польше (где правил будущий Генрих III) или к истории средневекового рыцарства. Однако в XVIII – первой половине XIX в. ситуация меняется: на фоне возвышения новых исторических жанров специальный ученый интерес к ордену практически пропал. Контрастом выглядело оживление в этот период орденской проблематики в немецкой и польской науке. После Франко-прусской войны 1870–1871 гг. образ крестоносца был востребован только в качестве клише «тевтонской ярости»; французская медиевистика по-прежнему игнорировала историю Тевтонского ордена как предмет специального научного интереса.

Иначе обстояло дело в католической историографии. Уже в XVII—XVIII вв. французские католические историки (О. Ле Мир, Ж. Эрман) уделяют внимание ордену в обзорах истории рыцарства. Венчают эту традицию «Анналы Тевтонского или Святой Марии Иерусалимской ордена от его зарождения до наших дней», которые Феликс де Салль издал на французском языке в Париже и Вене в 1887 г. (переиздание 1986 г.) [8]. Это было последовательное изложение истории ордена до конца XIX в. Выделялось три периода его истории: восточный (1190—1225), европейский (от завоевания Пруссии до Пресбургского мира 1806 г.), австрийский (1805—1887). Текст сопровождался научно-справочным аппаратом, приложениями документов.

Апологетическое отношение к ордену заметно с первых страниц: по Саллю, орден «завоевал и цивилизовал» прибалтийские земли вопреки «амбициозным и неверным» полякам; поражение при Грюнвальде принесло тевтонским героям славу, а само сражение стало победой «варварства над цивилизацией». Секуляризация описана как апостасия (*apostasie*) — измена, положившая конец «реальному и эффективному существованию» ордена в Пруссии [8, р. V—VII]. Анналы выдержаны в духе консервативной историографии XIX в.: история ордена — это рассказ о завоеваниях под руководством Великих магистров; исследование жизни рядовых рыцарей не выходит за пределы, очерченные «Хроникой земли Прусской» Петра из Дусбурга.

Вместе с тем значение труда Салля не следует преувеличивать: апологетическая тенденция оставалась уделом меньшинства среди французской ученой публики. Мейнстрим историографии был связан с другими фигурами, среди которых блистал выдающийся историк Эрнест Лависс. Его «Очерки по истории Пруссии» (1879 г.; рус. пер. — 1915) представляют собой одновременно и продолжение тенденций германской исторической науки (Г. фон Трейчке), и попытку их преодоления. Для Лависса Гогенцоллерны — наследники тевтонской модели, а орден — символ воинственного германизма, хотя историку не чуждо восхищение перед монахами, построившими государство. Такие установки не были типичны для Франции, пережившей недавнее поражение от пруссаков, но их корни находятся во влиятельной германской историографии. Здесь напрашивается параллель между французской и российской (особенно советской) историографическими парадигмами. Восприятие ордена как типичного представителя «прусского милитаризма», действующего под лозунгом *Drang nach Osten*, оказалось присутствующим *par excellence* всей советской историографии, развитие которой тоже во многом было обусловлено влиянием двух мировых войн.

Между тем во время дискуссий о типичном «германском духе», констатирует М. Оливье, парадоксальным образом историки 1870-х гг. заново открыли связи орденской и французской истории. Точкой пересечения двух традиций была геральдическая легенда о том, как Людовик IX в Акре в знак признательности за участие в крестовом походе позволил ордену включить в свой герб французскую лилию. Типично французским также было представление о том, будто Кёнигсберг («Ко-

ролевская гора») рыцари назвали в честь Людовика IX: впервые, по предположению Оливье, эта версия появляется в «Истории империи» Ж. Эйсса (*Heiss*), изданной в Париже в 1684 г. [6]. Другие сюжеты, постепенно получающие признание в историографии, — это участие французского рыцарства в прусских походах в XIV в. и судьба орденских владений на территории Франции.

В 1979 г. специалист по истории тамплиеров Лоран Дэйе удовлетворил интерес франкоязычной публики, опубликовав научно-популярную монографию «Тевтонские рыцари» (с библиографией, но без ссылок; он даже извиняется перед читателем пятой главы за ее «более научный характер» [3, р. 77]). Хронологическое изложение истории дополняют отдельные главы о повседневной жизни рыцарей, дипломатии и финансах, судьбе ордена после секуляризации. Тевтонским владениям во Франции посвящена пятая, «более научная», глава исследования¹: перечисляются пожалованные ордену в XIII в. владения в Лотарингии и Бургундии. В 1234—1282 гг. ими управляют командоры ордена во Франции (в 1282 г. появляется титул «командор Франции и Бовуара», а в 1312 г. — командор Бовуара, француз Шарль де Беффар², избирается великим магистром Тевтонского ордена) [*Ibid*, р. 86]). История французских владений была недолгой: в 1501 г. они были проданы аббатству Клерво за 1100 гульденов. Дэйе цитирует по акту купли — продажи мотивы этого решения: почти все орденские фамилии происходили из провинций Германии и Венгрии; во Франции орден владел лишь Бовуаром; часть зданий в его владениях была разрушена во время войн и т. п. [*Ibid*, р. 89].

Дэйе, следуя в фарватере немецкой историографии, старается быть беспристрастным и избегает оценок орденского завоевания Пруссии и насилия над пруссами. Названием Кёнигсберг обязан божемскому королю Оттокару, которому приписан даже сам факт основания крепости в 1255 г. [*Ibid*, р. 99]. Интересно, что вместо обычного нарратива Дэйе рисует общую картину жизни тевтонских рыцарей; это не батальные сцены, а попытка схватить целостный образ ордена на разных этапах его истории.

Совсем другой подход — и в структуре, и в тональности оценок — избрал Анри Богдан в своей популярной книге под тем же названием — «Тевтонские рыцари» (первое изд. — 1995 г., русский пер. — 2008 г.). Работа выстроена в соответствии с хронологией событий. Несмотря на ее популярный характер, Богдан вводит читателя в курс споров, развернувшихся в немецкой историографии по поводу разных аспектов орденской истории.

Он развивает мотивы, хорошо известные по «Анналам»: «Они были везде, где христианам угрожали враги»; орден выжил «благодаря своей способности отвечать на требования времени, гибкой организации,

¹ Упомянуто о хранящихся в архиве Труа двух сотнях документов по истории французских владений ордена [3, р. 12].

² В отечественной литературе он обычно именуется Карлом фон Триром.

мастерству и таланту некоторых из его магистров» [1, с. 9–10]. Образ пруссов стилистически восходит к клише из арсенала орденового агитпропа («в этой таинственной и негостеприимной стране жили народы, которые постоянно угрожали соседним государствам» [Там же, с. 93]), а историческая роль ордена видится в создании государства, «чья административная и социальная организация была вызовом традиционным средневековым структурам» [Там же, с. 9]. Угроза («реальная или воображаемая») была наконец осознана соседями — литовцами, поляками и русскими, что и привело к драматической развязке Грюнвальда [Там же, с. 188]. Впрочем, секуляризация ордена оценивается как прежде всего «политический акт», вызванный трезвым пониманием реалий политической обстановки в Европе [Там же, с. 228].

Попытка Богдана опровергнуть «черную легенду» об ордене выглядит неубедительно: обвинение рыцарей в жестокости по отношению к славянам и народам Прибалтики парируется с изящностью слона в посудной лавке: «Рыцари пришли туда не по собственной инициативе, но по просьбе польских принцев»; «Если тевтонские рыцари наносили удары, то получили в ответ такие же удары»; «Старопруссы, латыши и литовцы, не говоря о татарских союзниках, не стеснялись грабить территории своих соседей-христиан, сжигать деревни и поголовно истреблять жителей» [Там же, с. 270]. «Французская линия» орденовой истории не прослежена: Богдан упоминает лилию Людовика IX [Там же, с. 79], но название Кёнигсберга ассоциирует однозначно с Оттокаром [Там же, с. 138]³.

Французская историография 2000-х гг. отмечена появлением долгожданной фундаментальной монографии об ордене. Ее — под неоригинальным названием «Тевтонские рыцари» — выпустил профессор средневековой истории в Лионской высшей школе гуманитарных наук Сильвен Гутенхейм [5]. Почти 800-страничный текст отвечает всем академическим требованиям: использованы многочисленные источники и литература на европейских языках, более сотни страниц отведено под примечания и библиографию⁴. Характерно, что предшественники-соотечественники не упомянуты: наверное, автор хотел подчеркнуть дистанцию между нормальной историографией и научно-популярной литературой.

³ Нужно заметить, что Богдану не повезло с русским изданием (переводчик А.И. Вишневецкий, научный редактор А.Ю. Карачинский): книга изобилует опечатками и ошибками, пополняя ряды худших образчиков отечественного книгоиздания. Часть ошибок связана с недостатками перевода или редактуры (переводился французский текст, содержащий в основном немецкие имена собственные или этнонимы; так, для пруссов было избрано нехарактерное для отечественной традиции название «старопруссы» [1, с. 94]); великие магистры Фейхтвангены всюду именуются Фейхтвангерами и т.д.). Встречаются и совсем не поддающиеся объяснению курьезы: в 1245 г. император Фридрих II подтверждает право ордена «на владение Ливонией, Курляндией и Хиромантией (*sic!*)» [Там же, с. 135] — на самом деле речь идет о Самогитии (Жемайтии).

⁴ В одном месте даже цитируется польская публикация В.И. Матузовой.

Структура труда основана на привычной периодизации: зарождение ордена; завоевание Пруссии; история суверенного орденского государства; финальная фаза орденской истории (до наших дней). Автор, однако, не просто излагает события, но также посредством экскурсов в различные темы и презентации историографических дискуссий дает панорамное изображение ордена как военного, политического, экономического и идеологического целого. Рассматриваются повседневная жизнь ордена (р. 64–81), экономическая политика (р. 331–361), стратегия и тактика ведения боевых действий (р. 467–477), «война перьев» – конкуренция орденской и польской дипломатий в представлении результатов Грюнвальдской битвы перед европейскими дворами (р. 488–495) и т. д.

Завоевание Пруссии описано как конфликтный процесс: «Пруссы сражались за свою независимость и также за своих богов» [5, р. 216]. Однако распространенное убеждение в том, что они стояли перед альтернативой «крещение или смерть», не совсем точно отражает реалии: многие пруссы укрылись в соседней Литве. Цели ордена в Пруссии оцениваются как территориальные и политические, религиозная миссия придала им легитимность [Ibid, р. 217]. Гугенхейм исследует истоки «черной легенды»: критика крестоносной агрессии восходит еще к епископу Христиану, обвинявшему орден в преследовании завоевательных целей под прикрытием христианизации [Ibid, р. 411]; эта критика становится общим местом в эпоху немецкого Просвещения, когда И. Г. Гердер, сочувствуя пруссам, сравнивает рыцарей с конкистадорами [Ibid, р. 600]. Манера изложения событий, выдержанная Гугенхеймом, выдает его принадлежность к лучшим традициям европейской историографии, стремящейся реализовать идеал историописания *sine ira et studio*.

Орденское государство характеризуется Гугенхеймом как уникальная комбинация церковных и светских структур, которая могла реализоваться только на завоеванной территории, но не в других германских землях [Ibid, р. 322]. Автор постоянно обращает внимание на трагическое противостояние немцев и поляков – этот контрапункт стал определяющим для судьбы орденского государства. Меньше внимания уделено отношениям с русскими княжествами; битве 1242 г., как это свойственно и немецкой историографии, отведено несколько предложений. По мнению Гугенхейма, рассматривать сражение на Чудском озере как столкновение «немцев» и «русских» – анахронизм; в тот момент русские княжества были разделены, а орден никак не представлял за всех «немцев». Конфликт описан в других терминах – как «борьба между двумя христианскими силами, одна из которых служила папе, а другая оставалась верной православию» [Ibid, р. 193]. Секуляризация ордена – неизбежное политическое решение, а крах орденского государства был обусловлен рождением нового мира, управляемого национальными государствами [Ibid, р. 630].

Гугенхейм борется со стереотипами: средневековой репутацией невежественных и бескультурных людей тевтонские рыцари обязаны себе самим – в источниках подобные характеристики высказы-

вают высшие должностные лица ордена. Однако орден обладал богатейшими библиотечными собраниями, а включенность в европейские международные связи прививала тевтонцам нормы рыцарского этикета, средневековая рыцарская ментальность была им совсем не чуждой [5, p. 122].

История французских владений характеризуется кратко: их судьба была однозначной после эпидемии чумы и Столетней войны, превратившей 230 га орденских владений в руины [Там же, p. 574–576]. Людовик IX не появляется на страницах книги; своим основанием Кёнигсберг обязан Оттокару [Ibid, p. 215]. Больше внимания уделено путешествиям французской знати в Пруссию в XIV в. [Ibid, p. 583–587], но после классической работы В. Паравичини французским историкам трудно сказать об этом что-то новое (см.: [7, S. 88–104]).

В последнем разделе автор исследует судьбу образа Тевтонского ордена в европейском общественном сознании. Если в XIX — первой половине XX в. история ордена была важным «строительным» элементом немецкой идентичности, то после Второй мировой войны картина изменилась. Несмотря на новые исследовательские перспективы и нарастающее международное сотрудничество историков, орден занимает маргинальное место и в немецком образовании, и в немецкой науке [5, p. 620].

Этот вывод тем более парадоксален, что во Франции интерес к Тевтонскому ордену растет. Отчасти, по мнению М. Оливье, он был спровоцирован неослабевающей популярностью фильма С. Эйзенштейна «Александр Невский»⁵: орден «наконец вышел из своего ученого гетто» [6]. После монографии Гугенхейма можно констатировать, что историографическая лакуна заполнена; теперь наступает время для спокойной разработки отдельных сюжетов французскими историками⁶.

На протяжении долгого времени французские историки игнорировали историю Тевтонского ордена. Рубеж XX—XXI вв. во французской историографии отмечен пробуждением интереса к ордену в контексте общей интенсификации международного научного сотрудничества в Европе. Очевидно, что европейское строительство и сближение Франции и Германии будут способствовать постепенному избавлению взгляда французских историков от аберраций, вызванных конфликтами предшествующего столетия.

⁵ Фильм Эйзенштейна вспоминают все авторы (апологет ордена А. Богдан, правда, называет режиссера «манипулятором зрительными эффектами» [1, с. 10, 271], Л. Дэйе воспроизводит без комментариев кадр из кинокартины, а С. Гугенхейм определяет фильм как «превосходный», хотя подчеркивает его пропагандистский характер [5, p. 19, 623]).

⁶ Еще одним поводом для обращения к этому сюжету стало празднование 1000-летия упоминания Литвы в исторических источниках. К этой дате было приурочено издание в Париже книги Ж. Дютертра «Французы в истории Литвы (1009–2009)», в которой приведены сведения о некоторых французских рыцарях, покорявших Пруссию и «открывавших» Литву [4, p. 22–29].

Список литературы

1. *Богдан А.* Тевтонские рыцари / пер. А.И. Вишневого. СПб., 2008.
2. *Матузова В.И.* Средневековый Немецкий орден в современной международной историографии // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования: 2002 год: Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004.
3. *Dailliez L.* Les chevaliers Teutoniques. P., 1979.
4. *Dutertre G.* Les Français dans l'histoire de la Lituanie (1009–2009). P., 2009.
5. *Gouguenheim S.* Les chevaliers Teutoniques. P., 2007.
6. *Olivier M.* L'Ordre teutonique dans la conscience française du XVIe siècle à 1914. Un essai de synthèse // Atala. 2006. №9. URL: <http://www.lycee-chateaubriand.fr/cru-atala/publications/olivier.htm>.
7. *Paravicini W.* Dir Preussenreisen des Europäischen Adels. Sigmaringen, 1989. Т. 1.
8. *Salles F.* Annales de l'Ordre Teutonique ou de Sainte-Marie-de-Jérusalem depuis son origine jusqu'à nos jours et du Service de santé volontaire avec les listes officielles des chevaliers et des affiliés. Genève; P., 1986.

Об авторе

И.О. Дементьев — канд. ист. наук, доц., РГУ им. И. Канта, idementi@mail.ru

Author

Dr. I. Dementyev, Associate Professor, IKSUR, idementi@mail.ru

